

Она до сих пор не могла поверить, что некогда юный гений Люйе Хуньин так легко покорился реальности, причем даже не попытался оказать сопротивление.

На следующем занятии по магическим формациям Цин Гэ пребывала в состоянии полной рассеянности. Она даже не взглянула на Таскэ во время парных поединков с мечниками.

Прекрасный молодой господин Таскэ лишь сокрушенно подумал: даже смотреть на меня перестала, совсем плохи дела.

В тот день Цин Гэ так и не удалось встретиться с Люйе Хуньином. Он заперся в глубине императорского дворца и никого не принимал. Даже Цин Гэ, явившись лично и предъявив права молодого господина, получила лишь жесткий отказ.

— Люйе Хуньин, я спрошу только об одном, и сразу уйду! — Цин Гэ, остановленную служанками у входа, окружили хрупкие девушки, которые, казалось, могли упасть от малейшего толчка. Она была вынуждена крикнуть через извилистую галерею и густые заросли оранжереи:

— Ты сделал это добровольно? Неужели Люйе Хуньин, талантливый маг второй ступени, способный сражаться со мной на равных, так и погибнет в этих глубоких чертогах?!

Прошло много времени, а может, всего несколько минут, прежде чем до нее донесся голос Люйе Хуньина:

— Молодой господин, вы так забавны. Я ведь никогда не был хорошим человеком. Почему вы до сих пор так наивно полагаете, что все люди похожи на вас? Что все вы, рожденные в знати, с выдающимися способностями, идете по жизни так гладко и легко?

Цин Гэ, которую мягко, но настойчиво вытеснили за ворота цветочные девы, от неожиданности пошатнулась. Ожидавшая ее снаружи Хуа Сэ поспешно подхватила девушку:

— Осторожнее.

Цин Гэ молча посмотрела на высокую стену и медленно закрывающиеся резные ворота. Внезапно она осознала: жизнь тяжела, и то, что скрыто за глухими преградами, действительно, невозможно поведать посторонним.

Она взяла Хуа Сэ под руку и развернулась, словно желая оставить этого некогда равного соперника и близкого друга глубоко за спиной, навсегда отгородившись от него неодолимой пропастью.

— Пойдем, нам в тайное хранилище императорских книг.

— Весь мир твердит о богатстве императорской библиотеки... — Цин Гэ с каменным лицом оглядела бескрайние ряды книжных шкафов, занимавших половину зала, и почувствовала, что ей не по себе. — Но я и представить не могла, что их здесь так много!

Хуа Сэ, стоявшая позади, подняла лампу, разгоняя мрак в зале, где из-за обилия книг и отсутствия людей уже поселилась паутина. Причудливый свет искажал их тени на стенах, отчего Хуа Сэ стало не по себе:

— Молодой господин, мне немного страшно...

Цин Гэ удивленно обернулась и рассмеялась:

— Кто не совершает дурных поступков, тот не боится стука в дверь среди ночи. Чего ты боишься?

— О, и правда. — Слова Цин Гэ подействовали на Хуа Сэ как указ, и страх мгновенно улетучился. Она встала на цыпочки, подняв руку, чтобы Цин Гэ могла видеть ярлыки на корешках: — Что вы хотите прочесть? Я помогу найти! Заклинания, формации, алхимию или искусство меча?

— Ничего из этого. — Цин Гэ слегка улыбнулась, и в ее изумрудных глазах блеснул странный свет. — Подними повыше, Хуа Сэ. Я хочу узнать, какая связь была между седьмым императором империи Османов Хуалай Оро и великим герцогом нашего клана Цин Шу!

Этот вопрос мучил ее с тех самых пор, как она начала осознавать себя и изучать историю предков. Он не был настолько важен, чтобы думать о нем постоянно, но в минуты досуга всегда всплывал в памяти, становясь все более запутанным, пока не превратился в роковую загадку, едва не стоившую ей жизни в городе Чжэньян.

Почему два молодых господина, в юности вместе путешествовавшие по континенту и прославившиеся на весь мир, после восхождения одного из них на престол стали так далеки друг от друга? Если Хуалай Оро завидовал таланту Цин Шу, достаточно было отправить его обратно в Лиду — с глаз долой, из сердца вон. Если же герцог обладал слишком большой властью, то это и вовсе лишено смысла: до той злополучной ночи мятежа у него не было никакой реальной власти!

Почему после упоминания о пожаловании титула герцогу Цин Шу ни в одной официальной или неофициальной хронике не упоминалось, куда он исчез? И почему он появился лишь тогда, когда Хуалай Оро пошел войной на Божественную область? А если отбросить это — что значил тот яростный рев, донесшийся из глубоких покоев дворца в ту ночь, когда Яке вторгся в город, а герцог Цин Шу в одиночку защищал столицу, не обагрив клинка?

Кто управлял теми Стражами в железных доспехах? Почему спустя столько лет их вновь призывали в мир живых, причем в телах, которые даже не успели истлеть?

— Руки Инь-Ян лучше всего подходят для некромантии. — Офелия, вернув себе статус старшей принцессы, почти не изменилась со времен, когда была мечницей Лией. Она по-прежнему вставала на рассвете, чтобы упражняться с клинком — взмах, удар, укол, тысячи повторений без остановки. Даже вчерашний ночной пир не нарушил ее строгий распорядок. С самого утра она принесла свой длинный меч на пустующую тренировочную площадку.

С тех пор как Люе Чанцю решила воспитать из двух дочерей благородных девиц, площадка много лет стояла заброшенной. Юная мечница с серебряными волосами отослала извиняющихся служанок и приступила к тренировке, попутно объясняя шедшему рядом Кайсару Оро:

— В конце концов, граница между жизнью и смертью — это область, недоступная даже для многих Святых Магов. Руки Инь-Ян — единственная реликвия, позволяющая магам после окончания Эры Богов легко коснуться врат смерти. Можно сказать, что с тех пор как континент Онота вступил в Эпоху Людей, некромантия, как и свет с тьмой, исчезла в истории богов.

Кайсар нахмурился. В его облике проступила необычная для него холодная, строгая красота:

— Кривые пути.

Цин Гэ и Хуа Сэ с трудом пробирались сквозь горы книг, разыскивая записи императора Хуалая. Поскольку раны Хуа Сэ еще не зажили, Цин Гэ сама проверяла верхние полки, а Хуа Сэ перебирала книги пониже.

Ту самую книгу Цин Гэ нашла в углу на самой верхней полке. На темно-красном переплете были выведены извилистые Письмена Терновника. Несмотря на неприглядный и даже зловещий вид, при виде их зрачки Цин Гэ сузились.

Это были Письмена Терновника, которыми могли пользоваться только правители клана Цин. Почему они оказались в императорском хранилище?

Она сняла книгу, смахнула пыль и бережно открыла первую страницу. Хуа Сэ, заинтригованная осторожностью госпожи, заглянула через плечо. Строки, которые многие пытались скрыть и которые почти невозможно было встретить в официальной истории, предстали перед ними:

— ...Все разногласия оставим в прошлом. Когда я умру, похороните меня вместе с моей любовью, Цин Шу, в Гробнице Крайнего Севера.

Цин Гэ с трудом повернула застывшую шею и встретила взглядом с Хуа Сэ, чье лицо выражало странное возбуждение. Она резко захлопнула книгу и, чеканя каждое слово, произнесла:

— Дорогая Хуа Сэ, слушай внимательно: ты ничего не видела.

Хуа Сэ так энергично закивала, что едва не ударилась головой о стол.

Теперь все встало на свои места! Все сомнения получили объяснение. Несмотря на прохладу в хранилище, Цин Гэ почувствовала, как по спине потек холодный пот, пропитывая мантию мага. Она лихорадочно листала дневник, написанный на языке, понятном лишь правителям клана Цин. Холодная, болезненная и почти безумная одержимость исходила от пожелтевших страниц, заставляя ее задыхаться.

Три тысячи красавиц в гареме Хуалай Оро были излюбленной темой для авторов бульварных романов. А тот факт, что герцог Цин Шу так и не нашел себе жену, стал главным аргументом для слухов о том, что он приносит несчастья своим супругам.

На страницах дневника, кроме той единственной фразы, не было ни единого упоминания о Цин Шу. Однако среди древних, переплетающихся строк значились имена всех знатных девушек, когда-либо обрученных с герцогом! И напротив каждого имени стояла личная печать императора с пометкой: Решено.

Рука Цин Гэ дрогнула, книга упала на пол. Ее лицо почернело, напугав Хуа Сэ. Она сквозь зубы процедила имя человека, которого когда-то почитала как Бога Магии, словно желая стереть его в порошок:

— Хуалай Оро!

Вот почему герцог Цин Шу никогда не женился! Вот почему он не показывался на людях после получения титула! В гареме Хуалай Оро был человек, которого он, движимый жаркой и извращенной страстью, запер в золотой клетке — любимый глава клана Цин, которого никогда нельзя было показать миру!

— В любом случае... это не оправдание для того, чтобы губить жизни!

Хуа Сэ осторожно подняла книгу и, взглянув на лицо Цин Гэ, осторожно спросила:

— Император Хуалай... любил герцога?

Цин Гэ холодно усмехнулась:

— Любил он или нет, но того, что он совершил, достаточно, чтобы его презирать!

Ты можешь любить человека, конечно. Но никакая любовь не может стать оправданием для того, чтобы причинять боль другим. Никакая собственническая страсть не дает права унижать

людей и ломать их судьбы! Все люди равны, таланты даны свыше, так с какой стати ты решил, что твоя любовь ценнее чьей-то жизни?

— И с какой стати ты, обладая гаремом из трех тысяч женщин и бесчисленными потомками, запрещал ему взять в жены хотя бы одну?

— Чиновникам позволено поджигать дома, а простолюдинам нельзя даже зажечь лампу... Ну и ну, вот уж действительно, открыла глаза! — Цин Гэ спрятала книгу, в ее изумрудных глазах застыл холод. — Быть похороненным вместе в Гробнице Крайнего Севера? Да он и этого не достоин!

— Что это за напасть, когда стоит только захотеть спать, как кто-то подкладывает подушку?

Цин Гэ заметила, что с тех пор, как она вернулась из Великого Зеленого Прилива, ей постоянно кто-то подкладывает подушки.

Это был первый раз, когда Офелия, вернувшись в империю Османов, присутствовала на утреннем докладе. Привыкшая к суровой жизни мечница с трудом привыкала к расшитой золотом мантии. Цин Гэ стояла по правую руку от нее, невозмутимая и прямая, как струна, хотя Офелия могла поспорить на десять золотых, что та витает в облаках.

Ежегодный сбор налогов обычно не требовал присутствия молодого господина клана Цин, но Цинлань Дуи вчера простудился, и Цин Гэ пришлось заменить его. По логике, после сдачи налогов можно было расходиться, и Люе Чанцю могла бы вернуться к своим юным фаворитам. Но всегда находились те, у кого не хватало ума — или, наоборот, было слишком много коварства — чтобы перенести дворцовые интриги в главный зал!

— Прошу императрицу выслушать. — Брант Оро опустился на колени на холодные золотые ступени, его голос был полон скорби: — Молодой господин Цин Гэ вчера, воспользовавшись нефритовым жетоном, вошел во дворец и пробыл там полдня. Кто знает, что они делали с Люе Хуньинем!

Офелия, впервые оказавшаяся на таком докладе, была ошеломлена. На ее прекрасном лице читалось лишь: какого черта? А после слов Цин Гэ ее состояние сменилось на версию: да вы издеваетесь?

Цин Гэ сказала:

— Признаю.

Это шутка? Ты шутишь?! Офелия никогда не видела человека, который так пренебрегает

здравым смыслом. Цин Гэ и Люйе Хунъин так похожи, что даже не стоит говорить о том, могли молодой господин, обладающий высоким статусом и тонким вкусом, заинтересоваться Люйе Хунъином. Спросите себя: кто влюбится в свое отражение в зеркале?

Она уже хотела вступить за Цин Гэ, но Кайсар потянул ее за край одежды. Юноша, который после возвращения из Прилива повзрослел за одну ночь, прошептал:

— Не надо! Императрица просто ищет повод расправиться с Цин Гэ. Если ты вступишься и навлечешь на себя гнев, у нее совсем не останется союзников при дворе!

Офелия не была глупой и поняла все за секунду. Ей оставалось только опустить голову и слушать, как императрица сыплет беспочвенными обвинениями, очерняя репутацию Цин Гэ, которая всегда славилась своей рассудительностью и беспристрастностью.

Да, никто не поверит Люе Чанцю, никто не поверит, что Цин Гэ могла увлечься любимчиком императрицы, который так похож на нее саму. Но в этом дворце, где черное называют белым, а героев вынуждают стать трусами, все вынуждены подчиняться императрице!

— Ты уже много лет близко знакома с Люйе Хунъином!

— Признаю.

— Люйе Хунъин сначала отправил тебе приглашение, а потом ты вошла во дворец!

— Признаю.

— Получив жетон, ты сначала встретила с Люйе Хунъином, а потом отправилась в тайное хранилище! Разве не так?!

Цин Гэ, стоявшая на коленях, вдруг подняла голову. Ее взгляд, острый как лезвие, вонзился в Бранта, но голос остался холодным и равнодушным:

— Признаю.

Брант Оро в экстазе доложил императрице: — Видите? — Но не успел он договорить, как свирепый вид Люе Чанцю заставил его проглотить остаток фразы!

Цин Гэ опустила голову, а на ее губах играла холодная, едва заметная улыбка.

Даже если Люе Чанцю хочет с ней разделаться, она не позволит придворному выносить сор из избы на всеобщее обозрение!

Надо признать, что Цин Гэ знала Люе Чанцю лучше всех, кроме Сюзан. Как говорится: ты можешь не знать, что любит твоя девушка, но точно знаешь, что ненавидит твой заклятый враг!

Императрица хотела унижить Цин Гэ, но причина для этого никак не могла включать в себя подозрения в порочной связи с придворным!

Как и ожидалось, лицо Люе Чанцю почернело. Она взмахнула рукавом, сбросив стопку бумаг на пол, и слова, казалось, выдавливались из нее силой:

— Раз молодой господин так легко все признает, значит, тут есть скрытые причины? Рассказывай!

Офелия, про себя называвшая придворных императрицы кучкой идиотов, с радостью украдкой взглянула на Цин Гэ, но не успела ее улыбка оформиться, как услышала:

— Рассказывать нечего, императрица. — Цин Гэ подняла голову с выражением скорби и глубокой тайны: — Цин Гэ просит отправить ее в изгнание из столицы, чтобы доказать свою невиновность!

Офелия решила: если она еще хоть раз будет ожидать чего-то от хода мыслей Цин Гэ, то она перестанет быть Спеде!

Люе Чанцю окончательно потеряла лицо. Она махнула рукой, и фрейлина забрала у Цин Гэ жетон, дающий право свободного входа во дворец. Императрица холодно бросила:

— Раз ты так любишь брать на себя лишнее, отправляйся в Северную пустыню и проветри там голову!

Чиновники зашумели.

Северная пустыня! Днем жара, ночью лед! Это означало, что Цин Гэ не только покидает нейтральную Императорскую академию, лишаясь защиты, но и отправляется страдать в дикие земли, где нет ничего, кроме золота!

Зал наполнился шепотом. Множество глаз — с недоумением, насмешкой или жалостью — следили за Цин Гэ, все еще стоявшей на коленях. Все думали об одном: клан Цин в опале! Это должно было случиться! Цинлань Дуи, обладавший огромной властью и не желавший расставаться с командованием, наконец разгневал императрицу, и Цин Гэ пострадала вместе с ним!

Лишь Офелия и Кайсар, знавшие, что Цин Гэ никогда не вступает в бой неподготовленной, заметили выражение ее лица под каскадом золотых волос.

Она улыбалась!

— Пока я не заберу останки герцога Цин Шу из Гробницы Крайнего Севера, мое место молодого господина будет шатким, — объясняла Цин Гэ, пакуя вещи вместе с Хуа Сэ, ошарашенной Офелии. — Стать императором? Не смешите, я и так уже достаточно насолила императрице. Если я выиграю, она же мне шею свернет!

Офелия едва дышала:

— Значит, ты все продумала заранее...?

— Ну конечно. — Цин Гэ посохом из кленового дерева вытащила из шкафа кучу черных мантий и запихала их в сундук. — Дорогая Офи, видишь, я никогда не лгу и никогда не вступаю в бой без подготовки.

Офелия еще долго прокручивала в голове их противостояние в зале и поняла, что наконец испытала то же чувство, что и Люйе Хунъин при встрече с Цин Гэ. Она буквально чувствовала, как кровь подступила к горлу. Цин Гэ не сказала ни единой лжи! И «близкое знакомство», и «просьба об изгнании» — все было правдой!

— Молодой господин Цин Гэ, вы так мастерски уходите от ответа и переводите стрелки, а Цинлань Дуи об этом знает?!

— Молодой господин, взять с собой плащ? — Хуа Сэ вошла, утопая в горах пушистых мехов, которые выглядели невероятно дорогими. — Говорят, в Северной пустыне ночи очень холодные!

Цин Гэ встала на сундук, быстро погладила Хуа Сэ по голове и с самым серьезным видом убрала руку, словно это была не она только что потянулась к пушистому комочку.

— Хорошая идея.

Офелия не знала, почему ей стало так неприятно. Она долго думала и определила это чувство как сожаление: такая милая девочка попала в лапы к насильнику в овечьей шкуре. Она не знала, что для этого состояния есть подходящий термин: ослеплена сиянием их нелепости.

<http://bllate.org/book/19150/1880637>